

Законы природы неподкупны*

В.А.Васильев

Выступление, не состоявшееся на Общем собрании РАН 16 декабря 2009

Глубокоуважаемый Юрий Сергеевич, глубокоуважаемые члены Собрания!

Мое выступление связано с самой темой нашего собрания, которое называется «Мозг: фундаментальные и прикладные проблемы». Вот я и хочу сказать о связи между фундаментальными и прикладными разработками, между фундаментальной и прикладной наукой. С одной стороны, мы слышали за эти два дня о множестве замечательных прикладных работ, прямо основанных на фундаментальной науке самого высокого уровня, и о фундаментальных работах, мотивированных, вдохновленных и подтвержденных практикой. С другой стороны, сюжет, затронутый академиком В.Е. Захаровым, также имеет прямое отношение к этой, я бы сказал, философской проблеме. Про это все я и хочу сказать.

Часто приходилось слышать, в том числе и из достаточно высоких кресел, что нужны и важны только прикладные разработки, а в фундаментальных то ли уже сделано всё, что было можно и что полезно, то ли пусть их для нас делают на Западе, а мы купим технологии и внедрим на уже совсем практическом уровне (что, как мы все понимаем, невозможно, если извести высокую науку, то есть людей, понимающих вообще что к чему в этой области). Чтобы понять, что с этим делать, давайте поймем, где грань между прикладной и фундаментальной наукой и есть ли эта грань вообще.

Я подумал и почитал про это и понял, что резкая грань есть, и грань эта философского характера, а именно упирается в понятие истины. Всякая фундаментальная наука, будь то математика, физика, история или лингвистика или еще что-то, вырабатывает общее представление о том, что есть правда, а что нет, и стремится в каждом конкретном случае найти такое объяснение, такое решение, которое будет истинным, а не ложным: как **на самом деле** устроено что-то в микромире или, наоборот, в космосе, как **на самом деле** говорили и думали **на самом деле** существовавшие люди, как **на самом деле** полетит какая-нибудь штуковина при таком-то режиме управления, и так далее.

Напротив, основной критерий в прикладной науке – это акт о внедрении. Акт подписан, деньги получены – победителей не судят. Когда общество и экономика работают в штатном режиме, это само по себе неплохо. В частности, при этом предполагается, что клиент или честный посредник выбирает хорошую прикладную разработку, а не плохую, а для этого за ней должна стоять очень хорошая фундаментальная наука. К сожалению, у нас, да и не только у нас, работает не эта схема, а схема, когда акт о внедрении (а также последующий неизбежный акт о списании угробленных средств) подписывается в соответствии с разного рода откатами, распиловкой бабла, ситуацией, когда VIP-чиновника берут в долю, и т.п.

Юрий Сергеевич, я не хочу извиняться за эти слова, потому что они сами уже пришли к нам и в нашу жизнь, и в этот зал, в храм науки, и если не **огласить** их, то они уж точно от нас не отвяжутся. Те факты, о которых говорил Владимир Евгеньевич Захаров, описаны в этой имеющейся у нас всех книжечке (6-й выпуск бюллетеня «В защиту науки», розданный всем участникам собрания, см. <http://www.ras.ru/digest/fdigestlist/bulletin.aspx>) очень яркий пример, но, к сожалению, таких примеров не счесть, про многое из этого пишется и в других выпусках этого Бюллетеня.

Чудовищные средства, дикое невежество, наглый криминальный нахрап, бессовестная коррупция. Конечно, так далеко не всегда, и в большинстве случаев мы

-----
*) http://www.polit.ru/science/2009/12/22/zakharov_vasilyev.html

видим честные и грамотные прикладные работы, и сегодня мы имели счастье с ними знакомиться. Но важнейший факт, который необходимо акцентировано отметить, это то, что принцип оценки научной деятельности в соответствии с актом о внедрении и соответствующим финансовым успехом не ставит *ровно никакого заслона* таким злоупотреблениям, а очень часто, особенно в некоторых странах, прямо их провоцирует, и тогда система идет вразнос. Поставить заслон этому может только фундаментальная наука со своими высшими критериями.

Именно поэтому она часто вызывает такую ненависть со стороны воров и чиновников, не привыкших, что есть что-то более высокое и не зависящее ни от их власти, ни от их *бабла*. Впрочем, вру. Я сказал, что не может быть другого заслона шарлатанской «науке». Но вот есть, например государство Иран, в котором многие разработки того же г-на Петрика, как они декларируются, если бы они соответствовали этим декларациям, были бы очень востребованы в связи с ядерными претензиями и так далее. Почему однако же их там никогда не «внедряют»? А потому что в Иране боятся Аллаха. А те, кто, может быть, не очень боятся Аллаха, боятся тех, кто боится Аллаха. И если считается, что воля Аллаха состоит в том, чтобы Иран был сильным, страшным и самостоятельным, то там подобный проект, может быть, по чьему-нибудь невежеству и просуществовал бы сколько-то времени, но списать его бесследно было бы невозможно, и нет сомнений, что там высокий чиновник, пролоббировавший что-то подобное, очень скоро оказался бы без головы или еще без чего-нибудь.

Но у нас тут пока еще не Иран, и я рад, что у нас еще не вполне Иран, поэтому нам приходится обходиться тем, что имеем, и без честной науки я не знаю, как нам обойтись. Знаете, я люблю договариваться. Я за то, чтобы ученые-естественники разговаривали с экономистами, с философами, с людьми искусства. Атеисты – с верующими. Это очень тяжелый труд, потому что просто удивительно, насколько разные люди все по-разному понимают. Но живые и настоящие люди, если они возьмут такой труд, и поймут, как думают и в каком мире живут другие собеседники, очень много от этого получают и отдают. Так что вообще договариваться надо. Но не может быть речи о том, чтобы договариваться с тем криминально-коррупционным болотом, в которое мы сейчас имеем все шансы вляпаться. Или уже вляпались.

У нас есть великое богатство – понимание объективности и непреложности научного знания, законов природы, независимо от того, насколько мы сами способны их понять, описать и применить (а также есть и кое-какое умение их все-таки понимать и применять). Дважды два всегда четыре, а вечный двигатель невозможен, даже если это кому-то не нравится. Невероятно трудно, а иногда и невозможно, объяснить это на рациональном уровне некоторым начальникам, привыкшим, что как пожелаем, так и будет. Тот, кто с этим не сталкивался, не может вообразить себе, насколько это трудно.

Единственный способ, как этого можно добиться, состоит в том, чтобы мы, люди науки, сами никогда и ни за какие коврижки не говорили, что дважды два – это столько, сколько вам угодно. Когда такой начальник видит, что все эти чудаки почему-то говорят, что дважды два – четыре, даже когда это им совершенно невыгодно, то в нем может что-то зашевелиться, какое-то понимание, что за этим что-то есть. Только так можно надеяться на будущее.

Я не посмею бросить камень в честную блудницу, которая честно торгует тем, что имеет. Но объективность законов природы, понимание этого – это не наше достояние. Оно добывалось и завоевывалось не нами, и в том числе на кострах, и на сессии ВАСХНИЛ, и черт еще знает в каких условиях. Продавать это – грех непростительный, отнимающий будущее у нашей страны, у наших детей. Давайте выбираться из этого болота.

(Следующее добавлено после ответа Ю.С.Осипова на выступление В.Е.Захарова - см. *предыдущую статью и сайт* http://www.polit.ru/science/2009/12/22/zakharov_vasilyev.html)

Дорогой Юрий Сергеевич, по-моему, неправильно переносить обсуждение этих вопросов в кулуары. Наши коллеги, в том числе Ваш вице-президент, уже выступили не в кулуарах, а по центральному телевидению, по НТВ, с восхвалением вещей невыносимых. Если мы замнем это сейчас, если перенесем вопрос в кулуары, то и руководство страны, и простые люди, те же телезрители, могут подумать, что вот даже академики сомневаются и не могут договориться о глубине научных идей г-на Петрика.

На самом же деле все мы понимаем, что в научном отношении между нами разногласий нет, и истинную цену всему этому мы все знаем. Надо, чтобы все поняли четко, что все разногласия у нас – чисто морального и политического плана. Насколько можно прогнуться под давлением. Насколько можно ложиться под силу. Даже если сам ничего не получаешь, насколько допустимо стоять рядом и держать свечку. Юрий Сергеевич, я представляю себе, хотя быть может и недостаточно, как тяжело Вам отбиваться и отстаивать интересы Академии и науки. Но сейчас мы снова стоим на краю. Надо выбираться, и нужна четкая позиция.